

В долине, где Эльба шумит

«Если враг не сдается — его уничтожают»

(М. Горький).

Капитан Кравченко вел самолет у самой кромки облаков. Они пронеслись волнистой лавиной почти над самой его головой. Казалось, одно неверное движение, и вся эта белоснежная масса рассыплется пушистыми хлопьями.

На земле еще таились ночные тени. Темным силуэтом выделялся лесной массив Грюнвальда. Причудливо вилась тусклая лента реки. Чуть серели возвышенности ее левого берега.

А здесь, наверху, уже просыпалось утро. Вот несмело зацвел горизонт на востоке. Где-то там, далеко-далеко ликовала необъятная Родина. Вестницей победы и мира поднималась отсюда нежноликая зорька. Солнца еще не видно, но облака уже начинали подергиваться розоватым налетом. Еще несколько минут, и выглянул краешек багряного диска. Брызнули радужные нити. Самолет шел, купаясь в хрустальных лучах восходящего солнца.

Как-то необычно приподнято рокотал мотор. Ему вторило равномерное гудение пропеллера. Звонко свистел ветер в плоскостях. И хотя капитан давно уже свылся с этими звуками, сегодня они какой-то особенной песней отзывались в его душе.

Победа! Сколько великого смысла в этом коротком, истинно-русском слове!

Как далекий, тяжелый сон вспоминались первые вылеты на штурмовку. Десятками километров тянулись бронированные колонны Гитлера. Пестрело небо от косяков вражеской авиации. И все же, несмотря ни на что, немцев били. Били отважно и умело, презирая смерть и численное превосходство противника. Гибли первые волны пришель-

цев, но на смену им выползали все новые и новые машины. В этом слепом, неумолимом движении было много схожего с нашествием саранчи.

Прожорливой тучей налетели захватчики на цветущие поля Отчизны. Тревожное зарево полыхало над горизонтом. Смерть и позор надвигались с запада.

И встали все. Ничего не жалели для матери-Родины советские люди. Пробудилась, развернулась во всю огромную ширь славянская удаля. И дрогнула, попятилась, покатила обратным путем коричневая волна оккупантов.

Горячая пора наступила тогда для штурмовиков! По десяти боевых вылетов делал в сутки офицер Кравченко. Бомбил вражеские переправы, расстреливал клейменные свастики танки, косил пулеметной струей арийскую нечисть. Посеявшие ветер пожинали бурю. Теперь уже по постылой немецкой земле хозяйской поступью шли Возмездие и Справедливость...

И, наконец, совершилось то, во что твердо верилось даже в дни самых суровых испытаний: вероломный враг повергнут ниц, Россия победила!

Капитан радостно улыбнулся. Ему живо представилось возвращение в родной Чкалов. Радостная встреча с близкими, первый вечер в семье, забавные проказы сынишки, сияющие глаза жены...

Мысли не мешали пилоту внимательно наблюдать вокруг. За эти четыре года капитан до тонкостей изучил коварные повадки неприятеля. И он хорошо знал: миролюбивые жесты и предательский удар в спину — это две стороны одной и той же фашистской медали.

Взять хотя бы сегодняшней случай. Только вчера германское командование скрепило подписью акт о безоговорочной капитуляции, а ночью капитану снова пришлось вылетать на боевое задание.

А произошло следующее. Прижатая к реке танковая бригада СС отказалась сложить оружие. Эта густопсовая свора знала о катастрофе, но все-таки продолжала отстреливаться с яростью обреченных. Пытаясь вырваться из «котла», немцы направились через реку подводный мост. Понадобился мощный удар девятки «Ильюшиных», чтобы «привести в чувство» этих незадачливых вояк.

...Светало. Все ясней и ясней проступали контуры местности. Там, за рекой наблюдалось оживленное движение. Кравченко знал, что еще вчера вечером к Эльбе вышли передовые отряды союзных войск. Сновали разведывательные танкетки и юркие «Виллисы». Сверху они казались крохотными букашками. Капитан отсалютовал им покачиванием крыльев самолета, уточнил ориентировку и взял курс в сторону своего аэродрома.

Но что это? На гребне отдаленных холмов засверкали вспышки. Сомнения не было — шел бой! Вскоре летчику удалось разглядеть пехотинцев, ведущих штурм укрепленных высот. Кто и зачем оборонял этот рубеж?

Пилот сделал глубокий вираж и стал настороженно прощупывать взглядом холмистую гряду. И разгадка была найдена.

Выставив огневой заслон, группа разгромленных гитлеровцев спешно свернулась в походную колонну и под покровом утренней дымки торопилась к лесу. А лес этот тянулся на сотни километров и примыкал к горным отрогам. Здесь-то и надеялись немцы укрыться.

— Они не уйдут! — твердо решил капитан.

Он круто поднял самолет, дал полный газ и нырнул за облака. Нужно было торопиться, — колонна уже приближалась к зарослям.

— Вот я вас сейчас поглажу

против шерстки, — подумал Кравченко, скрытно заходя навстречу врагу. Но тут он вспомнил, что ни бомб, ни патронов не осталось, — все израсходовано на переправе.

Потемнело в глазах от досады. Неужели придется ни с чем уходить? А что если...

Взгляд его задержался на щитке управления. Здесь среди пилотажных приборов была любовно укреплена заветная фотография. Сынишка Павлик радостно улыбался и тянул ему навстречу пухленькие ручонки. Тамара смотрела прямо в глаза, спокойно и доверчиво...

Прошло несколько мгновений. И вдруг взгляд жены стал как бы жестче, суровее.

— «Ты медлишь?» — казалось, хотела промолвить она. Ему стало стыдно своей минутной слабости. Резко подав штурвал от себя, капитан ввел самолет в стремительное пикирование.

Не было у пилота никакого оружия кроме скорости и ударной силы металла. И он решил всей тяжестью своей многотонной машины обрушиться на голову врага. Риск был огромный: малейшая неточность опрокинет самолет, разнесет его вдребезги. Но большевик Кравченко смело глядел в лицо смертельной опасности, другого выхода не было, да и быть не могло.

Степным беркутом ринулся штурман вниз. Минута, и он мелькнул над лесом, а затем его грозная тень распласталась на пыльной дороге.

— «Черная смерть!» — немцы сразу узнали «ИЛ-2». Их нервы не выдержали, мышцы оцепенели...

В какую-нибудь сотую долю секунды пилот запечатлел картину этой трусливой апатии. Вот на переднем автомобиле в ужасе откинулся на кожаные подушки штаб-офицер, прикрывая лицо вздрагивающими ладонями. Всадники зарывались головой в конские гривы. Целые взводы пехотинцев падали на колени, молитвенно воздымая трясущиеся руки...

Но не было жалости в душе советского летчика. Он видел слиш-

ком много фашистских злодеяний. Пепел сожженных врагом городов и сел стучал в его сердце. Без колебания снизил Кравченко машину до бреющего полета и «впритирку» к земле пошел на невиданный еще в истории авиации — наземный таран.

Все это длилось считанные секунды. Треск, хруст, рев мотора — слились воедино. Как карающий меч, прошел штурмовик вдоль до роги. Вражеской колонны более не существовало. Только шлейф желтоватой пыли тянулся за самолетом.

Машина замедляла бег. Летчик хотел было снова взлететь, но тщетно — вышел из строя пропеллер. Неуправляемый самолет пробежал еще немного, резко подпрыгнул на ухабе и, налетев на канаву, завалился на нос. Капитана выбросило из кабины. Земля поплыла и бешено закружилась. Глаза захлестнула кровавая пелена.

...Очнувшись, он услышал недалеко разговор. Преодолевая мучительную боль, Кравченко приподнялся и выхватил пистолет.

— Хэллоу! — раздался восхищенный оклик. — Bravo совет!

Совсем рядом стояли рослые парни в незнакомой военной форме легкого спортивного покрова. Они с неподдельным восторгом осматривали самолет и поле боя. Щелкали фотоаппараты...

— Американцы, союзники, — мелькнуло в сознании летчика.

— Вот это по-нашему, душа из них вон и лапти кверху! — услышал он неожиданно с другой стороны.

Капитан радостно повернулся на звук родной речи. Торопясь и волнуясь, к нему подбегали советские танкисты.

Героя подняли на руки. Каждый, как мог, оказывал бесстрашному летчику знаки внимания. Молодой американец радушно протягивал походную кружку с ромом. Старшина-танкист ласково пожимал руку...

— О!.. — многозначительно поднял палец американский офицер. — Такие люди не могли не победить!!!

НИКОЛАЙ ПИТОЛИН.